

МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ!

Мои друзья! В новом детективе, который я предлагаю вашему вниманию, вы встретитесь с новыми героями. Перед вами предстанут дорогие моему сердцу Клер Клермонт и Евграф Комаровский. Она — англичанка, писательница, оперная певица, подруга лорда Байрона, мать его дочери Аллегры. Он — генерал-адъютант Александра Первого, начальник его личной охраны, создатель и командир Корпуса внутренней стражи. Столь непохожие, во многом противоположные друг другу яркие исторические личности. Клер Клермонт, опередившая свое время, европейски образованная, рафинированная интеллектуалка, феминистка, красавица. Ей посвящали поэмы и стихотворения Байрон и Шелли. И Комаровский — «силовик», «державник», роялист, бретер, дуэлянт, жандарм и, как ни парадоксально, тоже писатель, автор знаменитых исторических «Записок» и переводчик французского любовного романа, которым зачитывались в то время. Они всегда так нравились мне оба! Я представляла: а какой детектив мог бы получиться, если бы вдруг они встретились волей судьбы?

После смерти Байрона Клер Клермонт в 1825 году приехала в качестве английской гувернантки в Россию, где ее приняли

тепло, радушно, широко, по-русски хлебосольно и шумно, отогрев ее раненное потерей английское сердце...

В моем новом детективе-триллере она и генерал Евграф Комаровский встречаются в июле 1826 года, когда Россия переживает шок, погружаясь в пучину реакции и «закручивания гаек» после лавины арестов, допросов, доносов, ссылок и казней, последовавших за восстанием декабристов.

Два харизматичных антагониста, два абсолютных антипода, которых тянет силой вспыхнувших чувств друг к другу словно магнитом, становятся соратниками в деле расследования целой серии ужасных и кровавых убийств, потрясших Одинцовский уезд под Москвой — этот дачный, помпезный, псевдоблагополучный фасад империи. Стараясь раскрыть мрачные мистические тайны прошлого и жестокие убийства, пытаюсь докопаться до истинных причин происшедшего и изобличить настоящего убийцу, подвергаясь опасности сами, рискуя и не отступая, они совершают шаг за шагом свой путь навстречу друг другу.

Создавая этот детектив, работая с материалом, я поражаюсь тому, насколько остро и злободневно связаны история и современность, когда события прошлого так напоминают нашу непростую реальность.

Нет, мои читатели, это НЕ ИСТОРИЧЕСКИЙ детектив. Это детектив о жизни в 20-х годах. Ну а век выбирайте сами. Я намеренно включила в текст романа некоторые вещи, вполне современные и хорошо узнаваемые. Я сделала это потому, что порой кажется: мы стали глухи и слепы к урокам прошлого. Я хочу предоставить своему читателю свободу выбора — как именно читать и понимать мой новый детектив. Более широкий взгляд позволит разглядеть все его грани, все скрытые метафоры и параллели. Возможно, что-то покажется вам новым, удивительным. Однако если уж жандармский генерал Евграф Комаровский, командир Корпуса внутренней стражи (предшественника Росгвардии), перевел и написал любовный роман — а это исторический факт, то уж мне как автору детективов-триллеров сам бог велел слегка раздвинуть рамки классического детектива. Будет жарко! Будет жутко! Не оторветесь!

ИМЕЮЩИЙ УШИ, ДА УСЛЫШИТ

И еще: почему я написала эту книгу именно сейчас? Да просто потому, что я давно хотела создать других героев в другой эпохе, отличных от известных вам.

Если уж совсем честно, дорогие мои друзья, в наше время глобальной пандемии надо торопиться жить и писать, и не стоит откладывать задуманное в долгий ящик... Планы надо воплощать как можно скорее... Поэтому моя новая книга с новыми героями — надеюсь, вы полюбите их — появилась сейчас.

«Звезда пленительного счастья», воспетая Пушкиным, становится путеводной звездой для писательницы Клер Клермонт и «силовика» генерала Евграфа Комаровского даже в темном царстве хаоса, зла, насилия, крови и леденящих душу жутких событий, которым они вместе, плечом к плечу, противостоят.

Татьяна Степанова

Будучи обладателем глубоких знаний и незаурядного таланта, именно генерал от инфантерии Комаровский стал инициатором и непосредственным исполнителем идеи создания нового вида войск, наделенных правоохранительными функциями.

*Директор Федеральной службы
войск национальной гвардии
Российской Федерации Виктор Золотов
о генерале Евграфе Комаровском.*

Кто сравнится в высшем споре красотой с тобой?
Точно музыка на море нежный голос твой...¹

*Стансы для музыки. Лорд Байрон —
Клер Клермонт
Март 1816 г.*

Глава 1 **ЗВЕРЬ**

*15 ноября 1796 года, горный массив Бюкк,
Южные Карпаты, Австро-Венгрия*

Вокруг дома и на подходах к нему не было следов. Дом — старый, обмазанный глиной и побеленный, крытый потемневшей соломой, занесенной снегом, прилепился к склону горы. Просторный двор, огороженный плетнем. За домом виднелось еще несколько приземистых строений — сараи и хлев для скотины, словно палка торчала из-за крыш жердь — «журавль» дворового колодца. Дальше были только деревья — не плодовые, узловатые, могучие вязы и буки в осенней багряной листве, запорошенной снегом.

¹ Перевод К. Бальмонта.

И нигде ни одного следа — ни во дворе, ни вокруг дома, ни у хлипкой плетеной калитки. Евграф Комаровский сразу это отметил. И еще он увидел, что дверь дома закрыта. А вот окно высажено, решетчатая деревянная рама расщеплена от мощного удара. Но и под высаженным окном никаких следов...

Стюрнетег...

Это венгерское слово испуганно прошептал за его спиной кто-то из мужиков, примчавшихся к дому в долине ранним утром, когда в деревне ударили в набат. Евграф Комаровский остановился в этой горной деревушке у перевала — нашел ночлег на постоялом дворе при корчме. Он торопился в королевский замок, где осенью австрийский императорский двор развлекался охотой на оленей со сворами гончих. Вместе с двором из веселой Вены в горы Бюкк перекочевал и патрон Евграфа Комаровского граф Николай Румянцев — личный представитель государыни императрицы при европейских дворах. Евграф Комаровский был послан к нему со срочной депешей от его отца, фельдмаршала Петра Румянцева-Задунайского, и все дни пути нещадно гнал лошадей. Но в Южных Карпатах погода в ноябре обманчива — утром еще светило солнце, а днем полил дождь, сменившийся сильным снегопадом, какие только и бывают в горах. Провожатый Комаровского из местных сказал, что в такую непогоду, да еще ночью, перевал не пройти, поэтому надо ждать утра на постоялом дворе при корчме. А едва рассвело, всех постояльцев поднял с постелей набат.

Пытаясь добиться, что случилось, Комаровский из путаных объяснений так ничего и не понял — он не знал венгерского, на котором говорили местные крестьяне. С просьбой помочь и не оставить их, несчастных, в большой беде к нему обратился на немецком корчмарь Соломон:

— Вы иностранец, но человек военный, это сразу заметно, несмотря на вашу гражданскую одежду, будьте нам защитой, потому что у нас, здешних, не хватит духа пойти туда... сейчас... *Он, возможно, все еще там... Пирует среди крови и растерзанных тел...*

— О ком ты говоришь? — спросил перепуганного корчмаря Комаровский. — Кто он?

— *Ваделлат...*

Крестьяне запрягли лошадей в брички, Комаровский оседлал своего коня и взял с собой оба заряженных дорожных пистолета. Всю его прежнюю официальную службу в качестве офицера по особым поручениям и дипкурьера Российской коллегии иностранных дел они исправно выручали его в дорожных приключениях — а их было немало. Однако сейчас он недоумевал: что стряслось у горного перевала и с чем придется столкнуться среди снега и гор?

То, что около этого одинокого дома на отшибе не было никаких следов в снегу, поразило его поначалу несказанно. Он повернулся спиной к дому и посмотрел со склона — долина реки, виноградники... Бледное утреннее солнце сквозь снеговые тучи над перевалом. Место было очень красивым, живописным. И уединенным.

Все венгры, приехавшие из деревни вместе с ним, так и сидели в своих бричках, никто не вышел. Они с ужасом пялились на дом и шептались, указывая на нетронутый девственно-белый снег и высаженное окно.

Евграф Комаровский понял — они ждут, когда он, проезжий иностранец, первый войдет в дом, где неизвестно что случилось ненастной ночью.

— Кто живет здесь? — спросил он еврея Соломона, вроде как настроенного более решительно, чем остальные.

— Симон Мандль и его семья.

— Он из вашей общины?

— Нет. Он приехал сюда из Вены при Марии-Терезии, при ней были большие гонения на нас. Мандль не хотел проблем, он крестился, принял вашу христианскую веру, чтобы его только оставили в покое. Он был ювелир.

— Мандль! — Комаровский громко крикнул, вызывая хозяина дома. Нет ответа. Он открыл калитку и кивнул корчмарю — за мной!

— Он купил виноградник. — Корчмарь шел позади него, словно прячась. — Для венской синагоги Мандль стал изго-

ем, он мне говорил, что устал от ненависти и междоусобиц, поэтому купил виноградник в долине. Хотел вести жизнь философа на природе, но так и не смог.

— Почему? — Комаровский внимательно оглядывал дом, дверь. Ударил в нее кулаком — заперто.

— Такова натура человеческая. В Вене он был ювелиром, а здесь стал ростовщиком. Давал ссуды под большие проценты. Я у него тоже брал в долг. И многие из местных. Не стучите в дверь, мой храбрый молодой господин, они нам уже не откроют... И к нему не через дверь *Он* вошел, нет... Что такое для *Него* дверь и все запоры земные?

Евграф Комаровский ударил в дверь плечом — крепкая, дубовая, закрытая изнутри, видимо, на засов, она не поддавалась поначалу. Тогда он ударил ногой в ботфорте. И дверь слетела с петель.

Венгры в брчках громко и испуганно начали восклицать, словно ждали, что из тьмы дверного проема на безрассудного иностранца кто-то выскочит и набросится.

Евграф Комаровский шагнул через порог.

В нос ударил тошнотворный запах крови.

В сенях на деревянном полу лежала старуха в ночной сорочке. Ее худая дряблая рука все еще сжимала медный подсвечник с сальной свечой. Тело находилось возле узкой деревянной лестницы, что вела из сеней прямо на чердак.

И еще было что-то не так с телом старухи — Комаровский в первый миг это даже не осознал... Но потом...

Тело было обезглавлено.

Голова старухи лежала в растекшейся луже крови у самой стены. Она откатилась туда и смотрела на вошедших открытыми глазами.

Темный, мертвый взгляд...

Корчмарь Соломон глухо вскрикнул за спиной Комаровского и закрыл полное бледное лицо руками.

Отрубленная голова старухи в сенях словно стерегла еще бóльшие ужасы, что ждали их в глубине дома.

— Ничего здесь не трогай, Соломон, ни к чему не прикасайся, — приказал Евграф Комаровский еврею-корчмарю и прошел в горницу.

Здесь тоже пахло кровью, как на бойне.

Она была везде — на деревянном, натертом воском полу. На стенах, обклеенных дешевыми венскими обоями. Даже на низком потолке — алые брызги крови.

В горнице еще один труп: полная женщина с темными волосами, заплетенными на ночь в косы, тоже в ночной рубашке. Ей была нанесена ужасная рубленая рана, рассекшая спину. На полу и здесь валялась восковая свеча. И еще бронзовый витой подсвечник ханукия на девять свечей. До светлого праздника Хануки было еще далеко, но в доме Мандля, принявшего христианскую веру, к нему уже готовились тайно и благоговейно. Победа света над тьмой... И смерть...

Комаровский оглядел горницу — вся она была заставлена тяжелой дубовой добротной мебелью. Но сейчас в ней царил разгром — створки шкафа и комода распахнуты, посуда и белье на полу среди кровавых луж. Дубовое кресло и стол опрокинуты.

Однако окно здесь было целым, не выбитым.

И Комаровский, стараясь не наступить в кровавые лужи, направился в следующую комнату — девичью светелку.

Та, что в ней обитала, лежала на полу возле разобранной на ночь кровати.

— Фамарь, — выдохнул за спиной Комаровского Соломон. — Дочка Симона, ей семнадцать лет... Он пришел за ней, неужели вы сами не видите, именно она и была *Ему* нужна... Она девственница.

Нет, уже нет — потому что сразу было видно, что несчастная подверглась самому грубому и жестокому насилию. Ее длинные черные косы туго обмотали вокруг ножки кровати, подол ночной сорочки разорвали до самой груди. Ноги девушки были широко раскинуты. Ее горло было перерезано, рана зияла. На белой груди алели раны.

— Он искусал ее, терзал ее грудь, перегрыз горло! — дрожащим шепотом возвестил корчмарь Соломон.

Евграф Комаровский ощутил, как его бросило сначала в жар, потом в холод, но он пересилил себя и приблизился к телу убитой.

— Это не укусы, а ножевые раны, — возразил он корчмарю. — Я такое видел в Париже во время революции, когда творили насилие над женщинами. И на горле рана от клинка, а не от зубов.

— У *Него* у самого клыки, как клинки!

— Кто Он? О ком ты все твердишь, объясни мне толком.

— Das biest!¹

— Что еще за чудовище?

— Тот, кто приходит ночью. — Корчмарь Соломон испуганно глянул на высаженное окно девичьей светелки. — И днем. Для него и дневной свет не помеха.

Евграф Комаровский подошел к окну, перегнулся через подоконник, внимательно оглядел расщепленную от удара раму — на дереве явно были видны вмятины. Щепки и осколки стекла валялись под окном снаружи на девственно-белом снегу, не имеющем следов.

— Соломон, прекрати трястись, подойди, убедись сам — с улицы сюда никто не забирался. Окно выбили изнутри, из комнаты. А на раме следы обуха топора. И женщина в горнице... кто она?

— Вторая жена Мандля, мачеха Фамарь, а старуха — их служанка Ханна.

— Спину жене Мандля и голову служанке рубили топором. Где сам Мандль? Где их спальня?

Соломон указал в сторону горницы — еще одна дверь, ведущая в хозяйскую спальню.

Там они и обнаружили Симона Мандля — босого, как все они в доме, в ночной рубахе возле постели в кровавой луже. На голове его зияла ужасная рана, череп словно треснул, и один глаз вытек. В углу спальни стоял раскрытый сундук, замок которого был сбит, а на полу множество раскрытых бархатных футляров — пустых.

— Он ведь ювелир? — спросил Комаровский, разглядывая сундук и мертвого Мандля.

¹ Чудовище (нем.).

— Здесь больше ростовщик. Но занимался ювелирным делом порой, там его мастерская. — Корчмарь указал на низкую дверь, ведущую из спальни.

Открыв ее, они попали в узкую каморку без окон, больше напоминавшую алхимическую лабораторию: стол, заставленный тиглями, жаровнями, спиртовками, ретортами, весами, со множеством странных инструментов, полки на стене — с них все было сброшено на пол: книги, бумаги. На полках явно рылись и что-то искали.

— Ювелир, ростовщик, а где его изделия, где камни, золото, деньги? — спросил Комаровский. — Соломон, надо сообщить в местный магистрат — это ограбление. Их всех убили ночью для того, чтобы ограбить. Все произошло очень быстро.

— *Ему* не нужно золото и камни, все богатства земные *Ему* не надобны. *Он* пришел за ней — за Фамарью, неужели вы не понимаете, мой молодой храбрый господин? *Он* пришел за ее кровью и девством! А семью убил, потому что крови человеческой *Ему* всегда мало!

— Ты сейчас говоришь, словно не о человеке, не о разбойнике-грабителе.

— А он и есть *не человек!* — страстно выкрикнул Соломон. — Вы что, слепой, что ли? Вы сами разве не видели, что вокруг дома ни одного следа? И это не снег их занес, нет! Снег уже был глубок, когда все здесь случилось, и следы бы непременно остались, напади на них обычный душегуб-грабитель. Но это не человек здесь был, а Зверь вершил кровавый пир свой!

Комаровский не стал спорить с потрясенным до глубины души корчмарем. Он вернулся сначала в светелку, затем прошел в горницу и оттуда попал в сени.

Лестница на чердак...

И мертвая служанка с отрубленной головой... Свеча в ее руке... Ее что-то подняло с постели, встревожило, испугало... Она зажгла свечу и пошла посмотреть в холодные сени, а здесь...

Он начал медленно подниматься по лестнице, затем обернулся — отрубленная голова служанки, казалось, неотступно следила за ним своим ужасным мертвым взглядом.

Лаз на чердак был прикрыт дубовой дверью, но когда Комаровский поднял ее, на него дохнуло ледяным холодом — в соломенной крыше среди стропил зияла дыра. Он залез на чердак, но при его высоком росте распрямиться так и не смог, согнувшись, подобрался к дыре и выглянул наружу. Снег на соломенной крыше представлял собой месиво. И то же было на крыше сарая. Комаровский вылез из дыры на крышу. Глянул вниз — следов на снегу не было нигде, вокруг сарая тоже. До сарая расстояние вроде как приличное, строения стояли не вплотную, однако он примерился и...

Прыгнул!

Крыша сарая едва не рухнула под его весом. Но он сразу понял — здесь до него уже кто-то побывал — солома и снег вперемешку. А дальше крыша хлева и опять — никаких следов внизу.

Комаровский спрыгнул вниз. Соломон, не в силах находиться в одиночестве в страшном доме, полном мертвецов, выскочил наружу.

— Соломон, подойди сюда, к сараю, и снова посмотри сам — ты человек умный. Вот они, улики, и путь, по которому убийца-грабитель проник к ним — через соломенную крышу, перепрыгнув на нее с крыши сарая.

Комаровский прошел к хлеву, обошел его кругом — сзади на соломенной крыше тоже вмятина.

— Он прыгал с крыши на крышу, пока не достиг дома.

— А как он, по-вашему, попал на крышу хлева?

Комаровский глянул на деревья, что росли за плетнем двора Мандля. Вязы, буки, толстые стволы. Он перепрыгнул через плетень и, увязая в снегу, где опять не было следов, вошел под сень заснеженных деревьев. И сразу увидел бук, ветви которого были свободны от снега: кто-то стряхнул его отсюда. До крыши хлева с дерева можно тоже легко перепрыгнуть, а рядом росло другое дерево и еще, и еще...